ния к вопросам обрядности, захватывает в XVII в. целые группы и именно те, которые и политически были прогрессивными, для своего, конечно, времени. Известно, напр., как равнодушно отнеслись московские служилые круги к вопросу о перемене веры королевичем Владиславом, кандидатом на московский престол. По меткому выражению М. Н. Покровского, для них «ходячей истиной стал афоризм Пересветова — правда выше веры — политика у них шла впереди религии». Те же московские дворяне в 1610 г. в своем обращении с патриархом Гермогеном выказали себя очень далекими от «крепких» православных, для которых патриарх в то время был почти божественной особой: когда Гермоген вышел их усовещевать, они, по словам современника, «ругахуся ему всячески, пинали его сзади, бросали ему в лицо грязью, хватали его за грудь и трясли».[1] Упадок почтения к старой обрядности именно среди служилых людей отмечает в 1622 г. патриарх Филарет, когда он пишет с упреком Киприану, архиепископу Сибирскому и Тобольскому: «в сибирских городах многие служилые и тамошние люди живут не по-христиански, не по преданиям св. апостолов и св. отцев, а по своим скверным похотям. Многие русские люди ... крестов на себе не носят и постных дней не хранят, пьют и едят и всякие скаредные дела делают вместе с бусурманами».[2] Среди этих служилых людей, как говорит далее грамота, было много приезжих из Москвы.

В атмосфере таких настроений по отношению к вопросам церковной обрядности возникали и новые литературные потребности, создавалась литература, по новому трактовавшая старые вопросы. Достаточно вспомнить хотя бы для примера повесть о бражнике, в XVII в. уже занесенную в индекс книг истинных и ложных среди запрещенных сочинений.[3] Подобно героям повести о куре и лисице, бражник пользуется текстами св. писания «смехотворным» образом: защищая себя, он по очереди оспаривает право на пребывание в раю апостолов, святых, ловко приспособляя для своей цели различные эпизоды из их жизни, зафиксированные в ветхом завете, евангелии или житиях святых. В итоге все отходят посрамленные, а бражник садится в раю на лучшем месте и издевается над святыми, изумленными такой дерзостью: «святи отци, не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым».[4]

[1] М. Н. Покровский. Русская история, т. II, стр. 203.

[2] Макарий. История русской церкви, т. XI, стр. 36.

[3] А. Пыпин. Для объяснения статьи о ложных книгах. Летопись зан. Археогр. ком., вып. 1, 1861, СПб., 1862, стр. 39 — *ркп. б. Румянцевского музея*, № 362, XVII в.

[4] Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевым-Безбородко, СПб., 1860, вып. II, стр. 477—478.